

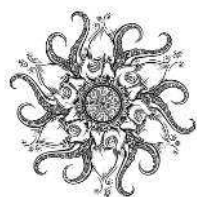

ДЖЕФФ ВАНДЕРМЕЕР

Посвящается Энн

ЧАСТЬ 1

Что я нашла и как

Я нашла Борна бронзово-солнечным днем, когда к нашему дому подковылял гигантский медведь Морд. Так что в первую очередь, Борн был для меня найденным. Хотя тогда я еще не знала, чем он для нас станет. Не думала, что он полностью перевернет нашу жизнь.

Тем более что и думать-то было особо не над чем: темно-фиолетовый комок размером с мой кулак, цепляющийся за шерсть Морда, словно выброшенный прибором полураспустившийся морской анемон. Я заметила его только потому, что он, как маячок, каждые полминуты помаргивал изумрудно-зеленым огоньком, пробивавшимся сквозь пурпур.

Подобравшись ближе, я почувствовала запах моря, он накатил соленой волной, на мгновение смыл разрушенный город, вечные поиски еды и воды, бегство от вооруженных банд, а также измененных существ неясного происхождения или назначения. Исчезли даже изуродованные обгоревшие тела, свисающие с разбитых фонарей.

Вместо них на краткий момент найденная мною вещь вернула меня на отмели моей юности, далеко от этого города. Я ощутила ветер, аромат сморщившегося от соли засушенного цветка, узнала холодок

..... ДЖЕФФ ВАНДЕРМЕЕР

воды, окатившей мои ноги. Припомнила долгую охоту за ракушками, хриплый голос отца и переливчатую скороговорку матери. Мои ступни погрузились в медовое тепло песка, я всматривалась в белые пары у горизонта, обещавшие нашему острову гостей из-за моря. Если только я действительно когда-то жила на острове. Если только все это было правдой.

Отблеск солнца в гнилой желтизне глаза Морда.

В тот день я все утро следила за Мордом, с самого его пробуждения в тени здания Компании, что далеко на юге. Истинный правитель города поднялся в небо, приблизился к тому месту, где я пряталась, разинул пасть и начал утолять жажду, возя рылом по нечистому речному ложу, простирившемуся на север. Никто, кроме Морда, не мог напиться из этой реки и остаться в живых. Таким его создала Компания. Затем, невесомый, будто семечко одуванчика, убийца вновь появился в небесной лазури. Где-то на востоке, под хмурыми дождевыми облаками, Морд обнаружил добычу и, рухнув на нее с высоты, освободил несколько визжащих кусочков мяса от необходимости жить. Обратив их в кровавый туман, во взбаламученную волну своего наигнуснейшего дыхания. Иногда свежая кровь заставляет его чихать.

Даже Вик не знает, почему Компания прозвала приближение дня, когда из охранника Морд превратился в их погибель, почему они не попытались его уничтожить, пока оставалась возможность. Теперь было слишком поздно, потому что Морд стал не просто Бегемотом. Какая-то инженерная магия,

вырванная им у Компании, научила его подниматься в воздух и летать.

К тому времени, когда я добралась до лежки Морда, он спал беспокойным сном, вздрагивая, точно от подземных толчков. Задняя лапа высоко вздымалась над моей головой. Даже когда он лежал на боку, его туша достигала третьего этажа. Удовлетворив жажду крови, он делался сонлив; вот и сейчас, бездумно растянувшись там, где застала дрема, он сравнивал с землей подвернувшееся здание, превратив его в шаткую груду кирпичных обломков, ставших ему постелью.

Когти и клыки Морда убивали и потрошили с быстротой молнии. Глаза, иногда открытые даже во сне, были огромными, засиженными мухами буркалами, поставляющими информацию мозгу, который, по уверениям некоторых, функционировал во вселенском масштабе. Для меня же — человеческой блохи по сравнению с ним — все, чем он занимался, выглядело ассенизацией. Из каких-то побуждений, известных ему одному, Морд доламывал и переделывал наш и без того разгромленный город, преобразуя его на свой безумный манер.

Когда он, возбудившись, вылезал из берлоги, устроенной им в развороченном здании Компании, к его косматой, свалывшейся от грязи, падали и химикатов шерсти прилипали самые разнообразные сокровища. Он то и дело одаривал нас упаковками неизвестного мяса, оставшимися от Компании, временами я находила трупы неопознанных животных с лопнувшими от внутричерепного давления головами и блестящими выпученными глазами. Если

нам везло, эти сокровища так и падали с него дождем, когда он вразвалку брел по земле или скользил по небу, в такие дни нам не приходилось на него забираться. И в один из лучших из этих пропавших дней мы нашли жуков, которые можно было засовывать в ухо, наподобие тех, что мастерил мой товарищ Вик. Как и все в этой жизни, находки были непредсказуемыми, оставалось лишь следовать по пятам за Мордом, согнувшись в три погибели, и надеяться чем-нибудь от него поживиться.

Отдельные вещи, как всегда предупреждал меня Вик, могли быть подброшены специально. Могли оказаться подлыми ловушками. Обманкой. Но в чем в чем, а в ловушках я разбиралась. Сама частенько их ставила. Так что ежеутренний совет Вика «быть осторожной» я, выходя из дома, выбрасывала из головы, о чем ему было прекрасно известно. Я рисковала жизнью, чтобы притащить свои находки Виду, а тот уже копался в них, как авгур в кишках. Иногда мне казалось, что Морд дает нам все эти вещи из какого-то извращенного чувства привязанности к нам, к своим игрушкам, куклам для битья. А иной раз я думала, что сама Компания когда-то возложила на него эту обязанность.

Многие мусорщики, обыскивавшие тушу Морда, так же как и я, недооценивали глубину его сна. И в результате оказывались поднятыми на высоту, срывались и падали, разбиваясь насмерть. Морд, даже не замечая этого, скользил по воздуху над своими охотничьими угодьями, над городом, который до сих пор не заслужил себе имя. Поразмыслив, я решила на сей раз ограничиться поисками на од-

ном боку Морда. Злыдарь. Ведмедь. Морд... Его имена были многочисленны и зачастую волшебны для тех, кто произносил их вслух.

Итак, спал ли Морд на самом деле или в ядовитых завихрениях помойки, которую представлял собой его мозг, зародилась какая-то новая каверза? Сегодня в этом непросто было разобраться. Ободренная храпом медведя, проявившимся в крупной дрожи всей поверхности его тела, я поползла вверх по задней лапе, пока остальные мусорщики выжидали внизу, используя меня как шахтеры канарейку. Тогда-то, путаясь в бурых, жестких водорослях медвежьей шкуры, я и наткнулась на Борна.

Он лежал, тихонько напевая сам себе, едва заметное отверстие на верхушке напоминало постояннодвигающийся рот: колечки плоти то сжимались, то расширялись. «Оно» тогда еще не стало для меня «Им».

Чем ближе я подбиралась, тем больше Борн высывался из шерсти Морда, становясь похожим на какой-то гибрид анемона и кальмара, — такая гладкая вазочка, по которой пробежала разноцветная рябь: фиолетовая, темно-синяя, цвета морской волны. Четыре вертикальных гребешка пересекали его теплую, пульсирующую кожу, гладкую и слегка шершавую, как у отполированной волнами гальки. Пахло прибрежными тростниками праздничным летним полуднем и морской солью с ноткой страстоцвета. Позже я обнаружила, что для каждого у него был свой запах и свои видения.

В общем, оно не выглядело едой или мемом-жуком, но не казалось и мусором, так что я в любом

..... ДЖЕФФ ВАНДЕРМЕЕР

случае подобрала бы его. Просто не смогла бы удержаться.

Туша Морда приподнялась и опала, сотрясаясь от сапа, и мне пришлось присесть, чтобы удержать равновесие. Мерно всхрапывая и замирая, он как бы вторил своему болезненному соннопению. Его завораживающие глаза, огромные, черно-желтые, словно метеориты или треснувший купол обсерватории на западе, были крепко зажмурены, а массивная башка беспечно простиралась к востоку.

И на нем сидел Борн, совершенно беззащитный.

Остальные мусорщики, которых шаткое перемирие на короткое время сделало друзьями, осмелев, поползли вверх по боку Морда, рискнув вступить в лес его грязной, но чудотворной шерсти. Я спрятала находку не в сумку, а за пазуху, под мешковатой рубашкой, чтобы никто не увидел и не отобрал.

Борн стучал в мою грудь, будто второе сердце.

— Борн.

Имена и названия значили теперь так мало, что мы прекратили обременять друг друга их поисками. Карта старого горизонта стала пристанищем для зловещей сказки, которая говорила не словами, а отзвуками злодеяний. Полная безвестность среди всех этих обломков погибшей Земли, вот чего я желала. А еще — пару крепких ботинок, если похолодает, да старую жестянку с супом, найденную под щебнем. Вот что теперь составляло мое счастье, и разве могло оно сравниться с какими-то там именами?

И все же я назвала его Борном.

Кому я отнесла Борна

Вик, мой товарищ и любовник, торговал наркотой, иначе и не скажешь. Наркота эта — ужасна и прекрасна, безрадостна и сладостна, как сама жизнь. Жуки, которых он переделывает или изготавливает самостоятельно из материалов, подцепленных нами у Компании, не просто обучают, если ты сунешь их в ухо. Они могут избавлять тебя от одних воспоминаний, подарив взамен иные. Те, кто не в состоянии смириться с нынешней реальностью, кладут их в уши и получают доступ к опыту тех, кто был куда счастливее и жил давным-давно, в местах, которых больше нет.

Именно этот наркотик Вик предложил мне, когда мы впервые встретились. А я отказалась, нутром почуяв опасность того, что выглядело спасением. Стоило поместить такого жука в ухо, и за ментоловым или лаймовым взрывом следовали волшебные призраки мест, которых, как я надеялась, никогда не существовало в действительности. Было бы чересчур жестоко, если бы рай оказался реален. Подобные безрассудные идеи могли одурманить навеки.

Изумление на лице Вика при моем отказе заставило меня тогда остаться и поговорить с ним. К со-